

стей Викторианской эпохи // Genesis: исторические исследования. 2017. № 10. С. 161.

6. Мортимер Я. Елизаветинская Англия: путеводитель путешественника во времени / пер. с англ. А.В. Захарова. М.: Эксмо, 2016.

7. Мортимер Я. Средневековая Англия: путеводитель путешественника во времени / пер. с англ. А.В. Захарова. М.: Эксмо, 2015.

8. Основные типы жилья [Электронный ресурс]. URL: <http://ruslondon.com/nedvizhimost/osno-vnye-tipy-zhilja/> (дата обращения: 16.01.2019).

9. Ощепкова В.В., Булкин А.П. Великобритания: страна, люди, традиции. Книга для чтения по страноведению. М.: РТ-Пресс, 2000.

10. Соболев Н.Н. Стили в мебели. М.: Сварог, 1995.

11. Соколова Т.М. Художественная мебель. Л.: Сов. художник, 1967.

12. Традиции английского интерьера [Электронный ресурс]. URL: http://www.westhome-invest.com/articles/traditsii_anglijskogo_interera/ (дата обращения: 16.01.2019).

13. Уорсли Л. Английский дом. Интимная история / пер. с англ. И. Новоселецкой. М.: Синбад, 2016.

14. Calder J. The Victorian Home, 1977.

15. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London, 2014.

* * *

1. Burovik K.A. Rodoslovnaya veshchej. M., 1991.

2. Koz'yakova M.I. Estetika povsednevnosti. Material'naya kultura i byt Zapadnoj Evropy XV–XIX vekov. M., 1996.

3. Makarova E.A. Britanskij dom: Home, sweet home! Rostov n/D.: Feniks, 2012.

4. Mak-Korkodejl Ch. Ubranstvo zhilogo inter'era ot antichnosti do nashih dnei. M.: Iskusstvo, 1990.

5. Mihajlova E.M. Anglijskij dom srediny XIX veka – nachala XX veka kak otrazhenie cennostej Viktorianskoj epohi // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2017. № 10. S. 161.

6. Mortimer Ya. Elizavetinskaya Angliya: putevoditel' puteshestvennika vo vremeni / per. s angl. A.V. Zaharova. M.: Eksmo, 2016.

7. Mortimer Ya. Srednevekovaya Angliya: putevoditel' puteshestvennika vo vremeni / per. s angl. A.V. Zaharova. M.: Eksmo, 2015.

8. Osnovnye tipy zhil'ya [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ruslondon.com/nedvizhimost/osnovnye-tipy-zhilja/> (дата обращения: 16.01.2019).

9. Oshchepkova V.V., Bulkin A.P. Velikobritaniya: strana, lyudi, tradicii. Kniga dlya chteniya po stranovedeniyu. M.: RT-Press, 2000.

10. Sobolev N.N. Stili v mebeli. M.: Svarog, 1995.

11. Sokolova T.M. Hudozhestvennaya mebel'. L.: Sov. hudozhnik, 1967.

12. Tradicii anglijskogo inter'era [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.westhome-invest.com/articles/traditsii_anglijskogo_interera/ (дата обращения: 16.01.2019).

13. Uorsli L. Anglijskij dom. Intimnaya istoriya / per. s angl. I. Novoseleckoij. M.: Sinbad, 2016.

The main linguocultural characteristics of the British home

The article presents linguocultural markers of British homes. The author gives an overview of the history of formation of British homes, types of housing in Britain and their interiors. It is noted that the image of various types of housing space characterizes the social status of the British.

Key words: *British home, furnishings, interior, furniture, social classes.*

(Статья поступила в редакцию 17.01.2019)

Т.М. ШЕХОВЦЕВА, Е.А. КАМЫШАНЧЕНКО
(Белгород)

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА SOFT POWER В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Представлен лингвистический анализ одного из концептов новых форм политической коммуникации – концепта SOFT POWER, представляющего собой политическую метафору. В фокусе внимания находятся механизмы его метафорической репрезентации. Анализируются история возникновения, энциклопедическая информация о данном концепте, а также ряд концептуальных метафор, вербализующих исследуемый феномен в англоязычном политическом медиадискурсе.

Ключевые слова: *концепт, концептуальная метафора, политическая метафора, «мягкая сила», политический медиадискурс.*

На сегодняшний день в фокусе внимания специалистов по когнитивной лингвистике находятся концепты как единицы сознания человека и их изучение с помощью лингвисти-

ческих методов, т. е. через языковые средства объективации. Авторы настоящей работы посвятили целый ряд исследований изучению содержательных и структурных особенностей концептов СИЛА и ВЛАСТЬ в современном английском языке. В процессе рассмотрения новых аспектов данной проблематики наше внимание привлек концепт SOFT POWER, позиционируемый современными политологами как один из концептов новых форм политической коммуникации.

Цель данной работы заключается в выявлении основных механизмов метафорической репрезентации концепта SOFT POWER, несомненная значимость которого в ментальном пространстве социума определяет актуальность настоящей исследования. Рассматриваемый концепт интересует нас, прежде всего, как концепт, активно функционирующий в коллективном сознании, чему способствует широкое его использование в медиaprостранстве многополярного мира.

Поскольку объект исследования ранее нами специально не изучался, на первый план выходит фиксация концепта SOFT POWER в речи носителей современного английского языка. Для решения этой задачи был использован метод сплошной выборки. Материалом анализа послужили примеры (около 650) из электронного контекстного словаря Reverso-Context [13], оперирующего контекстами из различных областей знания. В процессе работы применялись также метод контекстуального анализа, метод анализа сочетаемости абстрактных имен, позволивший выделить ряд концептуальных метафор, репрезентирующих концепт, и метод когнитивной интерпретации метафоры, определяющий способ осмысления рассматриваемого концепта в сознании носителей английского языка.

Научная новизна работы заключается в том, что лингвистическое описание феномена «мягкой силы» на материале современного английского языка ранее не проводилось. Метафорические способы объективации концепта SOFT POWER в англоязычном политическом медиадискурсе до настоящего времени не анализировались.

Следует уточнить, что под медиадискурсом в настоящей работе понимается вслед за Е.А. Кожемякиным «любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый СМИ. Так, можно говорить о политическом, религиозном, педагогическом и прочих медиадискурсах, подразумевая, что для своей реализации указанные типы институционального дискурса предполагают нали-

чие относительно устойчивого набора практик производства, трансляции и интерпретации массовой информации» [4, с. 16].

Важнейшее отличие политики от других сфер заключается в том, что политика, согласно Е.И. Шейгал, – единственная профессиональная сфера, общение в которой ориентировано на массового адресата. Политическая коммуникация не просто опосредована СМИ, но СМИ фактически являются основной средой ее существования, в связи с чем правомерно говорить о тенденции к сращиванию политического общения с дискурсом массмедиа [12].

Термин *soft power* ввел в оборот профессор Гарвардского университета Джозеф Най в своей книге 1990 г. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. Впоследствии он развил данное понятие в книге 2004 г. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Отметим, что в русском языке до сих пор не существует окончательного варианта перевода выражения *soft power*: говорят и о мягкой силе, и о мягкой / гибкой власти либо влиянии, и даже о несилевой мощи [9, с. 12], однако предпочтение все же отдается первому из вышеуказанных вариантов.

В основе трудов Дж. Наия лежит идея о существовании двух основных типов властвования, которые обозначаются понятиями *hard power* и *soft power* [7]. Традиционно господство страны на мировой арене определялось «жестким» могуществом или «жесткой силой» (*hard power*), под которой подразумевается инструментарий внешнего давления, вынуждающий в процессе коммуникации объект воздействия подчиняться более сильному партнеру. К «жесткой силе» обычно относят вооруженное, экономическое и административное давление [14, с. 7].

В противовес традиционным подходам Дж. Най предлагает использовать другой способ влияния: *soft power* – «мягкую силу». Ее можно определить как власть, реализуемую в форме определенного коммуникативного воздействия, в процессе которого диктуемое поведение воспринимается реципиентом как собственный свободный и добровольный выбор, приносящий к тому же подвластному субъекту радость и удовольствие. В отличие от жесткой власти, *soft power* не воспринимается в качестве силы, которая действует извне [Там же]. «Мягкая сила» – это «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек» [7, с. 27]. Она возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами, ценностями, программами внеш-

ней политики и обретает все большее значение для решения вопросов, требующих многостороннего сотрудничества [10, с. 106]. Иными словами, *soft power* – это то, что позволяет без прямого и жесткого давления воздействовать на общественные представления, предпочтения, идеалы.

Проиллюстрируем вышесказанное с помощью примеров:

(1) *But Bush missed another lesson implicit in his analogy: the importance of using the soft power of culture.*

(2) *The new policy seems to shift emphasis to “soft power” strategy aimed at projecting Britain as a global economic and cultural hub.*

(3) *America’s democratic values will be the key to success in restoring its soft power.*

(4) *Equally important are immigration’s benefits for America’s soft power.*

(5) *The “soft power” of Europe’s political and social model is well known.*

(6) *We can all benefit from the soft power of an enlarged Europe.*

(7) *China’s actions shocked many Japanese and undercut its soft power in Japan.*

Таким образом, в результате эффективного использования инструментов «мягкой силы» возможно осуществление воздействия на ментальные структуры массового сознания, что приводит к возникновению иллюзии взаимного интереса, доверия, уважения, взаимопонимания и на этой основе влиянию страны на политические и гуманитарные процессы в мире и конкретном государстве [10, с. 106]:

(8) *America needs to pay more attention to soft power and to multilateral cooperation.*

(9) *But other goals, such as promoting democracy and human rights, are better achieved by soft power.*

Ознакомившись с историей возникновения анализируемого концепта и рассмотрев энциклопедическую информацию об отражаемом им феномене, перейдем непосредственно к лингвистическим аспектам его анализа. Концепт *SOFT POWER* вербализован субстантивным словосочетанием: в роли главного слова выступает имя существительное, имеющее зависимое прилагательное. Сочетаемость абстрактного имени *power* с прилагательным *soft*, номинирующим осязательные, тактильные характеристики, порождает довольно яркую концептуальную метафору. Ее П.Б. Паршин определяет как тактильную (сенсорную). Сферой-источником в данном случае выступает сфера концептуализации тактильных ощущений, а сферой-мишенью – сфера концепту-

ализации социально-политических отношений [9, с. 13]. Но поскольку в задачи нашего исследования входит определение механизмов вербализации концепта *SOFT POWER* в политическом медиадискурсе, мы, опираясь на труды А.П. Чудинова и Э.В. Будаева [3], относим данную концептуальную метафору к политическим.

Указанные выше ученые посвятили многочисленные работы изучению феномена политической метафоры, истории ее возникновения, методологии исследования и других аспектов. Анализируя обширный материал, А.П. Чудинов и Э.В. Будаев убедительно доказывают, что в «современной науке сформировалось представление о политической метафоре как об инструменте для осознания, моделирования и оценки политических процессов, как средстве воздействия на социальное сознание» [3, с. 2]. Кроме того, «осознание того факта, что метафора первично ментальный, а не языковой феномен, все чаще инициирует исследования, направленные на изучение политической метафоры как средства отражения сознательных или бессознательных представлений о политической реальности» [Там же].

Исследователей политической метафоры интересуют два типа корреляции метафоры и концептуальной системы человека. С одной стороны, корпусные исследования метафор позволяют выявить структуры «коллективно-подсознательного», которые не выражены эксплицитно. Так, А.Н. Баранов с помощью метафорического анализа показал, что, несмотря на эксплицитное неодобрение взяточничества, российские политики и предприниматели используют преимущественно органистическую метафору и воспринимают взяточничество как естественное положение дел. Этот аспект можно сформулировать как «сознание (подсознательное) определяет метафоры» и, соответственно, анализ метафор – это анализ концептуальных структур. Вместе с тем прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход можно выразить в формуле «метафоры определяют сознание» [2, с. 24]. Лингвисты делают вывод о том, что политическая метафора – значимый инструмент манипуляции общественным сознанием [11, с. 123].

Учитывая все сказанное выше, обратимся к рассмотрению механизмов метафоризации концепта *SOFT POWER* и некоторым особенностям его функционирования в политическом

медиадискурсе. Как мы определили ранее, выражение *soft power* метафорично. Более того, сочетаясь с разнообразными предикатами, оно порождает все новые и новые концептуальные метафоры, каждый раз образуя, как нам представляется, своего рода «метафору в квадрате».

Для фиксации в отобранном материале метафорических выражений нами был использован метод целенаправленной выборки. Полученные концептуальные метафоры (далее КМ) были систематизированы с помощью антропоморфной, предметной, натуроморфной, зооморфной и фитоморфной метафорических моделей концептуализации абстрактных областей знаний. Подобную дифференциацию (с небольшими различиями в названиях, не меняющих общего смысла) используют многие современные лингвисты, исследующие действие этого когнитивного механизма, например, А.П. Чудинов, М.В. Пименова, М.Н. Лапшина, Л.А. Шестак и др.

Материал был структурирован также с учетом взглядов Дж. Лакоффа, который отмечает, что концептуальные метафоры имеют различные частотные показатели степени продуктивности. Мерой продуктивности является, во-первых, количество конвенциональных языковых выражений, кодирующих данную концептуальную метафору, а во-вторых, количество содержательных характеристик, перенесенных из области-источника на область-мишень [5, с. 496–497].

Согласно результатам анализа сочетаемости, наиболее продуктивным средством объективации концепта SOFT POWER в современном английском языке является *предметная метафорическая модель* (около 450 примеров из проанализированных 650), которая в концепции Дж. Лакоффа носит название онтологической. По мнению ученого, данные нашего опыта, связанные с физическими объектами, составляют основу для колоссального разнообразия онтологических метафор, т. е. способов трактовки событий, действий, эмоций, идей и т. п. как предметов [6, с. 408].

В рамках рассматриваемой модели наиболее частотной является КМ SOFT POWER → RESOURCE, которая выводится из следующих сочетаний.

• С глаголами *to possess, to have, to wield, to use, to preserve*, обозначающими наличие определенного ресурса либо действия с ним:

(10) *By 1989, they had little soft power left.*

(11) *The Soviet Union possessed a great deal of soft power in the years after World War II.*

(12) *But Bush missed another lesson implicit in his analogy: the importance of using the soft power of culture.*

(13) *Indeed, America's uncensored civil society, and its willingness to criticize its political leaders, enables the country to preserve soft power even when other countries disagree with its government's actions.*

(14) *Sometimes likened to a "secular Pope", the UN Secretary General can wield the soft power of persuasion but little hard economic or military power.*

• С глаголами *to squander, to lose* указывающих на возможность расходоваться вследствие определенных обстоятельств:

(15) *It squandered American soft power, diverted attention from Afghanistan and Al Qaeda, and created a danger that Iraq may become a haven for terrorists.*

(16) *The USA has lost a great deal of its soft power over the past eight years.*

• С глаголами *to need, to lack*, выражающими потребность обладать полезным ресурсом:

(17) *China currently lacks soft power.*

(18) *Almost every leader needs a certain degree of soft power.*

(19) *It has modest but useful soft power when great powers disagree but are willing to acquiesce in a course of action.*

Полезность ресурса подтверждается также в следующем контексте, где потеря его приводит к регрессу:

(20) *The loss of soft power implied by rejection of further enlargement would be a setback for Europe, the Balkans, and international stability.*

Для выражения *soft power* характерны также сочетания с глаголами, которые указывают на способность восстановления: *to recover, to regain*:

(21) *For example, America was extraordinarily unpopular at the time of the Vietnam War, yet it recovered its soft power within a decade, and it is interesting to consider why.*

(22) *What can the US do to regain its soft-power in the world?*

О необходимости накапливания и приумножения данного ресурса говорят многочисленные примеры сочетаемости с глаголом *enhance*:

(23) *China tried to enhance its soft power by staging the 2008 Olympics.*

Приведенные выше примеры еще раз доказывают, что наличие у государства ресурса, который ассоциируется с сущностью, репрезентированной концептом SOFT POWER, оце-

нивается положительно. Напротив, его отсутствие – отрицательно.

Следует подчеркнуть, что многие исследователи (как зарубежные, так и российские) говорят о принципиально неверном понимании многими политиками и государственными деятелями термина *soft power*. В их выступлениях зачастую говорится о *применении* мягкой силы, что в корне противоречит наивскому ее толкованию. Интересными в этой связи представляются пояснения П.Б. Паршина, согласно которым мягкая сила – «это не способ применения силы, а ее вектор; мягкая сила – это притягательная сила, что, кстати, предполагает не только другой тип метафорического переосмысления, но и другую степень метафоризации: вектор – это один из параметров силы и в буквальном, физическом ее понимании. Мягкая сила, понимаемая по Наю, не применяется и не может применяться в силу своей категориальной природы – ею можно обладать как некоторым ресурсом (что и позволяет назвать такое понимание *ресурсным*). Обладание мягкой силой – это состояние, открывающее перед обладателем возможность разнообразных действий, но само оно ни действием, ни деятельностью не являющееся. Более того, и это принципиально важно, эффект понимаемой таким образом мягкой силы проявляется в действиях / поведении / деятельности не обладателя мягкой силы, а субъекта, испытывающего ее воздействие» [15, с. 11].

«Ресурсное» понимание мягкой силы коррелирует с выводами, полученными нами при проведении анализа сочетаемости имени концепта. Учитывая продуктивность KM SOFT POWER → RESOURCE, можно сделать вывод о том, что, несмотря на имеющиеся разночтения, большинство говорящих понимают данный термин именно так, как предполагал его создатель Дж. Най.

Более конкретной по отношению к KM SOFT POWER → RESOURCE может выступать метафора SOFT POWER → GOODS, которая в следующих контекстах выводится из сочетаемости с глаголом *to produce* и с выражением *huge stores of*:

(24) *In short, South Korea has the resources to produce soft power, and its soft power is not a prisoner to the geographical limitations that have constrained its hard power throughout its history.*

В данном контексте выделяется еще одна яркая метафора: *soft power is not a prisoner*, структурирующая рассматриваемый концепт по антропоморфной модели.

(25) *Europe has the world's healthiest and most educated population, its largest economy, and huge stores of soft power.*

Товар может быть недорогим, не требующим особых затрат:

(26) *All of these ministries represent low-cost soft power.*

Ряд контекстов позволяют говорить также о финансовой / экономической метафоре SOFT POWER → MONEY, выводимой из сочетаемости с глаголами *to capitalize on*, *to invest*, с выражением *to make investments*:

(27) *He failed to capitalize on the soft-power boost afforded to Russia by hosting the 2014 Winter Olympic Games in Sochi.*

(28) *With the Cold War's end, Americans became more interested in budget savings than in investing in soft power.*

(29) *With its establishment of Confucius Institutes to promote Chinese culture, China has made major investments in soft power.*

KM SOFT POWER → OBJECT менее частотна и не столь многоаспектна, но тем не менее представлена в англоязычном медиадискурсе. Сочетаемость с выражением *to do damage* и с глаголом *to destroy* свидетельствует о возможности повредить либо уничтожить предмет:

(30) *If they had used their peacekeeping force, they would have done little damage to their soft power, and the benefits could have exceeded the costs.*

(31) *Americans must consider the effects of the decision on its soft power.*

П.Б. Паршин, на труды которого мы уже ссылались выше, приходит к выводу о том, что *soft power* в политическом дискурсе воспринимается преимущественно как «политический ресурс» [8]. Именно этим, как представляется, обусловлена высокая продуктивность предметной модели и, в частности, концептуальной метафоры SOFT POWER → RESOURCE.

Наличие антропоморфных признаков в структуре концепта SOFT POWER обуславливает также выделение на их основе KM SOFT POWER → PERSON (72 примера из 650). Антропоморфный код является одним из самых плодотворных источников создания метафор. Еще Протагор заметил, что «человек есть мера всех вещей». Структурирование концепта по антропоморфной модели предполагает участие субстантивов в актах олицетворения или персонификации, т. е. их уподобления человеку, что определяет их сочетаемость с предикатами, реализующими субъекто-ориентированные признаки, прежде всего активность, волитив-

ность, контролируемость и одушевленность объекта [1, с. 102].

SOFT POWER в метафорическом представлении носителей языка может осуществлять те же действия и пребывать в тех же состояниях, что и реальный человек. Она может двигаться, руководить, играть различные роли:

(32) *On the other hand, soft power allows followers more choice and leeway than hard power does, because their views and choices matter more.*

В данном контексте люди позиционируются как находящиеся под контролем у SOFT / HARD POWER, поскольку именно эти сущности предоставляют (или не предоставляют) выбор и свободу.

(33) *Soft power came in the Marshall Plan ¼. We did the same thing in Japan.*

Лексемы-репрезентанты сочетаются с предикатами самостоятельного движения.

(34) *But soft power will play a crucial role in attracting moderates and denying the extremists new recruits.*

Как следует из примера, *мягкая сила* может действовать подобно актеру, играющему свою роль. Выражение *to play a role* в сочетании с различными субъектами действия представляет собой стертую метафору, образный характер которой уже не ощущается.

В целом выражение *soft power* в рамках данной модели сочетается преимущественно с глаголами, обозначающими физическую активность. Примеры, иллюстрирующие сочетаемость с глаголами ментальной активности, эмоционального состояния, в проанализированном нами материале отсутствуют.

Концепт SOFT POWER в современном английском языке представлен также единичными КМ, реализующими признак NATURE (29 примеров из проанализированных 650). Традиционно различают живую природу (мир живых существ и растений) и неживую (ландшафт, стихии и т. д.), что позволяет говорить о зооморфной, фитоморфной и натуроморфной метафорах. Концептуальные метафоры неживой природы можно разделить на две группы: в их основе находятся признаки вещества и признаки стихий. Рассмотрим два примера реализации КМ SOFT POWER → SUBSTANCE:

(35) *The Cold War was won by a mixture of hard and soft power.*

(36) *Rather than diluting hard and soft power, immigration enhances both.*

Свойствами вещества, которое ассоциируется с сущностью, репрезентированной концептом SOFT POWER, является способность вступать в соединение, смешиваться с други-

ми веществами, имплицитно в примере гибкость, умение эффективно сочетать разнородные ресурсы. Восприятие исследуемого феномена как некоего вещества подтверждает и сочетаемость с глаголом *to dilute* – разжижать, разбавлять.

Отметим, что примеры, иллюстрирующие метафоризацию концепта SOFT POWER по зооморфной и фитоморфной моделям, в исследуемом материале не зафиксированы.

В заключение необходимо уточнить, что в задачи настоящего исследования не входил критический анализ политического дискурса, направленный на изучение способов, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе. Мы придерживаемся доминирующего в российской лингвистике дескриптивного подхода к описанию политических метафор, при котором превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом идеологической оценки, что, по убеждению А.П. Чудинова и Э.В. Будаева, связано не с отсутствием гражданской позиции у авторов, а с представлениями о критериях научной объективности исследования [3, с. 23].

Таким образом, анализ эмпирического материала позволяет выделить две особенности изученного корпуса. Первая особенность заключается в том, что основным источником исследования концептуальной метафоры SOFT POWER является политический медиадискурс (тексты, созданные журналистами, политиками или их спичрайтерами, а не рядовыми носителями языка).

Вторая особенность проявляется в том, что исследуемая метафора, появившись в США, уже не принадлежит лишь американскому национальному дискурсу. Как представляется, именно удачная метафора, использованная Дж. Наем для обозначения введенной им категории, в определенной мере способствовала распространению концепта SOFT POWER: начиная с 2005 г. этот термин фигурирует во многих публицистических и популярных аналитических публикациях, в высказываниях политиков самого высокого ранга, в том числе и российских [15, с. 4]. Исследователи делают вывод о том, что «в использовании современной политической метафоры сложился своего рода глобальный интердискурс, в рамках которого политическую коммуникацию самых различных государств объединяет значительное число однотипных метафорических моделей, способствующих сближению национальных картин мира, форм категоризации и концептуализации политической реальности» [3, с. 92].

Таким образом, суммируя выводы современных исследователей в различных областях, мы проанализировали историю возникновения и энциклопедическую информацию о концепте SOFT POWER. Мы также определили, что выражение «мягкая сила» – это метафора, которая, сочетаясь с различными предикатами, порождает новые концептуальные метафоры. Проанализировав сочетаемость имени концепта, мы пришли к выводу о «ресурсном» понимании «мягкой силы» в англоязычном политическом медиадискурсе.

Подтверждая тезис о непрерывном развитии и изменении концептов как ментальных единиц, следует отметить, что основным нововведением, предложенным Дж. Наем, является введение концепта SMART POWER («умная сила»), определяемого как разумно сбалансированное сочетание мягкой и жесткой сил. Анализ концепта SMART POWER представляется актуальным и малоизученным аспектом и может рассматриваться в качестве перспективы настоящего исследования.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002.
2. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Екатеринбург, 2007. Вып. 1. С. 16–32.
3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации: моногр. М.: Флинта: Наука, 2008.
4. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 12(83). Вып. 6. С. 13–21.
5. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Яз. слав. культуры, 2004.
6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
7. Най Дж. Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике. Нью-Йорк: Паблик афферз, 2004.
8. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестн. МГИМО – Университета. 2014. № 2(35). С. 14–20.
9. Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады. Вып. 1(36). М.: Изд-во «МГИМО – Университет», 2013.
10. Пименов Н.П. Концепты новых форм политической коммуникации в современной России // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 11. С. 105–111.
11. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): моногр. Екатеринбург, 2001.
12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
13. Reverso Context: электрон. контекстный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.context.reverso.net/> (дата обращения: 15.11.2018).
14. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Изд Дом «Дискурс-Пи», 2015.
15. Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: кол. моногр. / сост. и ред. Е.Г. Борисова. М.: ФЛИНТА, 2016.

* * *

1. Boldyrev N.N. Kognitivnaya semantika: kurs lekcij po anglijskoj filologii: ucheb. posobie. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2002.

2. Budaev E.V. Stanovlenie kognitivnoj teorii metafory // Lingvokul'turologiya. Ekaterinburg, 2007. Vyp. 1. S. 16–32.

3. Budaev E.V., Chudinov A.P. Metafora v politicheskoj kommunikacii: monogr. M.: Flinta: Nauka, 2008.

4. Kozhemyakin E.A. Massovaya kommunikaciya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya // Nauch. vedomosti Belgor. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2010. № 12(83). Vyp. 6. S. 13–21.

5. Lakoff Dzh. Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii / per. s angl. I.B. Shatunovskogo. M.: Yaz. slav. kul'tury, 2004.

6. Lakoff Dzh. Metafory, kotorymi my zhivem // Teoriya metafory. M.: Progress, 1990. S. 387–415.

7. Naj Dzh. Myagkaya sila. Slagaemye uspekha v mirovoj politike. N'yu-Jork: Pablik afferz, 2004.

8. Parshin P.B. Dva ponimaniya «myagkoj sily»: predposylki, korrelyaty i sledstviya // Vestn. MGIMO – Universiteta. 2014. № 2(35). S. 14–20.

9. Parshin P.B. Problematika «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii // Analiticheskie doklady. Vyp. 1(36). M.: Izd-vo «MGIMO – Universitet», 2013.

10. Pimenov N.P. Koncepty novyh form politicheskoj kommunikacii v sovremennoj Rossii // Izv. Irkut. gos. un-ta. Ser.: Politologiya. Religiovedenie. 2015. T. 11. S. 105–111.

11. Chudinov A.P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory (1991–2000): monogr. Ekaterinburg, 2001.

12. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.: ITDГK «Gnozis», 2004.

13. Reverso Context: elektron. kontekstnyj slovar' [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.context.reverso.net/> (data obrashcheniya: 15.11.2018).

14. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj. Ekaterinburg: Izd Dom «Diskurs-Pi», 2015.

15. Soft Power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. Mezhdisciplinarnyj analiz: kol. monogr. / sost. i red. E.G. Borisova. M.: FLINTA, 2016.

***Metaphorical representation
of the concept “soft power”
in the English political
media discourse***

The article presents a linguistic analysis of one of the concepts of a new form of political communication, the political metaphor “soft power”. The authors focus on the mechanisms of metaphorical representation of the concept under study. The origin, the encyclopedic information about the concept, as well as a number of conceptual metaphors that verbalize the phenomenon under investigation in the English-language political media discourse are analyzed.

Key words: *concept, conceptual metaphor, political metaphor, “soft power”, political media discourse.*

(Статья поступила в редакцию 29.01.2019)

В.В. ВОИНОВА
(Санкт-Петербург)

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА JOY
В ПЕРСОНАЖНОЙ РЕЧИ ДЕТСКОЙ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Исследуются языковые средства репрезентации концепта joy в персонажной речи в детской англоязычной литературе, рассматриваются категория эмотивности и особенности ее реализации в англоязычной детской литературе. Специфика детской литературы, прежде всего, заключается в подборе средств выражения категории эмотивности.

Ключевые слова: *эмотивность, персонажная речь, концепт joy, однозначные междометия, лексические и синтаксические повторы, графические средства.*

Многолетние споры относительно того, имеет детская литература свою специфику или нет, затихли. Исследователи, признавая художественную ценность детской литературы, тем

не менее, соглашались, что данные произведения обладают своим стилем и языком, отличными от произведений для взрослых.

В научной классификации различают три категории детских произведений, в первую из которых входят произведения, напрямую адресованные детям. Вторая и третья категория представлены текстами, созданными для взрослых, но нашедшими отклик у детей, и детским литературным творчеством. В качестве материала для исследования было выбрано более 40 прозаических произведений английской и американской литературы XX в., относящихся к первой категории. Дополнительным критерием для отбора произведений из данной категории послужила статистика представленности концепта *joy* в исследуемых текстах.

Авторы этой категории произведений иначе строят сюжет, выбирают темы таким образом, чтобы они были доступны пониманию ребенка. Изначальная направленность на детскую аудиторию и особая дидактическая роль определяют присутствие тех или иных признаков детского стиля: упрощенность и устойчивость сравнений, обобщенность образов, наглядность и т. д. Однако, имея свою специфику, детская литература обладает и многими чертами, которые присущи литературе для взрослых. В этих произведениях представлены те же языковые категории, что и в литературе для взрослых адресатов, в частности категория эмотивности, однако выбор средств ее выражения отличается. Языковая категория — это «в широком смысле — любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле — некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуется одним и тем же значением данного признака» [1, с. 215]. В плане выражения «эмотивность линейна и представлена в тексте всем набором языковых и текстовых маркеров эмоций, мотивированных многоуровневым эмотивным содержанием» [2, с. 8].

Авторская и персонажная речь играют важную роль при репрезентации категории эмотивности в детской литературе, но, являясь «предметно направленным словом», авторская речь позволяет декодировать тип эмоции, в то время как реплики персонажей сигнализируют о наличии эмоционального состояния и об ин-